

М. В. Куцаева

*Институт языкознания РАН
Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия*

moscoop@yandex.ru

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АКТИВНЫХ И ПАССИВНЫХ БИЛИНГВОВ В ЧУВАШСКОЙ ДИАСПОРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА (I)

Дается краткий обзор работ о формировании нынешней языковой ситуации в Чувашской Республике (ЧР). Для чувашского этноса характерно движение от одноязычия к двуязычию: сначала к чувашско-русскому, затем к русско-чувашскому, а в городской среде – к русскому одноязычию; ситуация с чувашско-русским двуязычием фактически являлась диглосной. Принятие в 1990 г. Закона о языках несколько укрепило позиции чувашского языка, который, наряду с русским, имеет статус государственного в ЧР, расширены сферы его использования. Однако сохранность языка вызывает обеспокоенность в силу того, что более половины чувашей проживает вне ЧР.

Представлены результаты исследования автора о количественном распределении пассивного и активного билингвизма по возрастным когортам в чувашской диаспоре московского региона. Активный билингвизм характерен для выходцев из деревни, имеющих среднее специальное образование, за исключением младших когорт, в которых практически все имеют высшее образование. Пассивные билингвы в выборке – уроженцы крупных городов, средних населенных пунктов и райцентров Республики, независимо от уровня образования.

Доминирующим языком в московском регионе для респондентов является русский, но в отличие от пассивных билингвов, сохраняющих лишь фрагментарные знания чувашского языка, активные билингвы используют этнический язык в семейном, бытовом, дружеском общении, как правило, с людьми старшего возраста, с ровесниками, почти никогда – с детьми. Регулярные встречи в рамках мероприятий, организованных чувашской диаспорой, общение на этническом языке с земляками, использование чувашского языка на письме представителями молодых когорт, всё расширяющееся пространство современных технологий, преодоление стереотипов относительно чувашского как языка деревенского, непрестижного, осознание респондентами, особенно младших и средних когорт, ценностей двуязычия способствуют сохранению языка и его функционированию хотя и в ограниченном объеме в чувашской диаспоре московского региона.

Ключевые слова: билингвизм, диглоссия, чувашско-русское двуязычие, чувашский язык, диаспора, активный билингвизм, пассивный билингвизм, языковая ситуация, языковой нигилизм.

Билингвизм и диглоссия

Одно из первых определений билингвизма принадлежит У. Вайнрайху: это «практика попеременного пользования языками» [1979. С. 22]. В отечественной социолингвистике под билингвизмом понимается «сосуществование двух языков в рамках одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в соответствующих коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. <...> Оба языка, обслуживая единый речевой коллектив, образуют единую социально-коммуникативную систему и находятся в отношении функциональной дополнительности друг к другу» [Швейцер, 2008. С. 115]. Следует особо отметить взаимовлияние языков в речи билингва – интерференцию, т. е. «всякое воздействие одного языка билингва на другой, а также резуль-

Куцаева М. В. Количественное распределение активных и пассивных билингвов в чувашской диаспоре московского региона (I) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 156–164.

тат этого воздействия» [Беликов, Крысин, 2016. С. 25] и характерное для билингвизма переключение кодов – «переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта) на другой в зависимости от условий коммуникации» [Там же. С. 21]. Среди различных типов билингвизма выделяют активный и пассивный: в первом случае говорящий владеет навыками порождения текстов на втором языке (в письменной и устной форме) [ССТ, 2006. С. 21], во втором – билингв обладает навыками понимания и чтения на втором языке, но сам синтезировать текст практически не в состоянии [Там же. С. 162].

В 1959 г. Ч. Фергюсоном было введено понятие «диглоссия», при которой «два варианта языка существуют в общности параллельно, и у каждого имеется своя определенная роль» [2012. С. 44]. Изначально речь шла о внутриязыковой диглоссии, однако постепенно понятие расширилось: теперь диглоссия может обозначать и «владение разными языками – также в зависимости от ситуации и сферы общения; при этом в «ответственных», социально значимых ситуациях общения, как правило, выбирается «престижный» язык, а в менее «ответственных» ситуациях (например, в семейном и бытовом общении) предпочтение может отдаваться языку, который не имеет официального статуса, но хорошо знаком говорящим (например, язык, усвоенный с детства) [Беликов, Крысин, 2016. С. 42]. Исследователи подчеркивают именно «сознательный выбор говорящего между разными коммуникативными средствами и использование такого средства, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации в данной сфере общения» [ССТ, 2006. С. 60].

Термины «билингвизм» и «двуязычие» употребляются синонимично.

Ситуация с чувашским языком в Чувашской Республике

М. М. Михайлов констатирует во второй половине XX в. одностороннее и массовое чувашско-русское двуязычие с преобладанием в сельской местности чувашского языка, а в городе – русского [1989. С. 34]. «Массовость, разумеется, не означает стопроцентности: известная часть чувашского населения, несомненно, плохо знает русский язык и обходится без него. <...> Но дело в том, что русский язык вошел в плоть и кровь чувашей и стал для них действительно необходимым, жизненно важным языком» [Там же. С. 33–34].

В советское время ситуация с чувашским языком представлялась в таком свете, будто у чувашей двуязычие существовало как массовое явление с дореволюционного времени (цит. по: [Алпатов, 2000. С. 119]), однако, по мнению Э. В. Фомина, «на рубеже XIX–XX вв. 96,5 % всех чувашей проживало в сельской местности компактными группами, с редкими иноэтническими вкраплениями; чувашское население было практически одноязычным» [Фомин, 2007. С. 9]. В приграничных с татарами, мордвой и марийцами районах существовали и другие типы двуязычия. Тем не менее чувашско-русское двуязычие было более перспективным: «естественно поддерживаемый в чувашско-русских контактных зонах, данный тип двуязычия постепенно распространялся во всем чувашском обществе вследствие высокого статуса русского языка по сравнению с другими» [Там же. С. 10].

Переходу от чувашско-русского к русско-чувашскому двуязычию во многом способствовала школьная реформа 1958 г., согласно положениям которой родители имели право выбирать язык обучения в школе и нередко отдавали детей именно в русские классы. Другим фактором стала урбанизация 1960–1970-х гг. В это время сельские жители в массовом порядке перебирались в молодые города Республики и смешивались с молодыми специалистами и комсомольцами, приехавшими по распределению из других регионов на строительство промышленных предприятий. Ситуация с чувашским языком в этих условиях становилась критической. В 1970 г. И. А. Андреев, занимавшийся проблемами национальной школы, писал: «Во втором поколении (чувашское население, проживающее в городах), как правило, окончательно переходит на русский язык» (цит. по: [Алос-и-Фонт, 2013. С. 73]). «Ушедшая в города молодежь даже в Чувашии не дает второго поколения владеющих родным языком» [Егоров, 1991. С. 38].

При этом два языка оказываются функционально распределенными: чувашский язык в виде диалекта или просторечия был вполне устойчив как язык бытового общения с людьми своей национальности, русский язык использовался как язык межнационального общения,

в том числе в профессиональной сфере: чувашей, с одной стороны, и татар, башкир – с другой, поскольку чувашский язык слишком своеобразен для языка межнационального общения тюркоязычных национальностей [Насырова, 2000. С. 134].

Таким образом, постепенно складывалась диглосная ситуация, при которой два языка функционально распределены, и переход с одного на другой является осознанным для обеспечения успеха коммуникации [Беликов, Крысин, 2016. С. 43–44]. Было очевидно, что «вытеснение языка из общественной жизни уменьшает его социальную значимость, подрывает его престиж. Уменьшает и значимость культуры, создаваемой на этом языке» [Егоров, 1991. С. 49]. Социальная база и функции тюркских и других языков народов СССР в сферах образования, массовой информации, культуры и даже в бытовом общении продолжали быстро сокращаться. Среди городской национальной молодежи получил распространение языковой нигилизм – отказ от изучения и применения своих языков, как неперспективных для использования их в образовании и трудовой деятельности [Баскаков, Насырова, 2000. С. 35]. Языковой нигилизм проявлялся прежде всего в незнании или нежелании знать язык из-за его «социальной непрестижности» [Письменные языки мира..., 2000. С. XXII] и выборе ими русского языка в качестве родного.

Надежды чувашской интеллигенции и чувашеведов во многом связывались с принятием Закона о языках, поскольку «государственный статус чувашского языка способствовал бы созданию реального языкового равновесия в республике, обеспечил бы полноценное социальное функционирование языка коренной национальности республики. <...> Без такой радикальной меры, как конституционное закрепление статуса чувашского языка в республике, не только язык, но и вся самобытная культура и сама нация будут обречены на вымирание в лучшем случае к середине следующего века» [Егоров, 1991. С. 51]. Чувашская Республика (ЧР) в числе первых приняла закон о «Языках в Чувашской Республике». «Он лежит в основе создания условий для сохранения и изучения родного языка, развития национальных общеобразовательных учреждений» [Володина, 2008. С. 18]. Как отмечается исследователями, закон и его программа на «1993–2000 и последующие годы» своей целью имели распространение двуязычия в администрации, образовании, публичном пространстве. В 2002 г. была разработана новая программа реализации закона «О языках», продленная до 2012 г. С 2013 г. действует новая программа на 2013–2020 гг., которая существенно не отличается от предыдущей. Критический анализ данной программы позволил Э. Алосу-и-Фонту сделать вывод о том, что «языковая политика в целом стала задачей Минобразования ЧР, и она практически ориентирована только на преподавание чувашского языка в школах. Нет ни одного госслужащего, занимающегося исключительно языковой политикой, ни, тем более, социальным продвижением чувашского языка» [Алос-и-Фонт, 2013. С. 77].

Более половины всего чувашского населения России проживает вне ЧР в силу разных исторических причин, но «Чувашская Республика является духовным центром чувашей всей России. Поддержка чувашской диаспоры – одно из приоритетных направлений государственной национальной политики» [Володина, 2008. С. 19]. Помощь членам диаспоры, проживающим более или менее компактно во многих регионах России, в деле сохранения национальной культуры и языка заключается в основном в том, чтобы оказывать им «содействие в проведении праздников чувашской культуры и литературы, повышении квалификации кадров, укомплектовании библиотек книгами на чувашском языке и о Чувашской Республике» [Там же. С. 20]. В настоящее время не стоит забывать и о виртуальном пространстве, поскольку «эффективное использование новых информационных возможностей обусловило мощную, серьезную поддержку в области распространения и укрепления чувашского языка» [Там же. С. 20].

Виды билингвизма и их количественное распределение в чувашской диаспоре московского региона по возрастным когортам

По А. Д. Швейцеру, соотношение между языками и «их предпочтение в тех или иных коммуникативных сферах или социальных ситуациях определяется едиными для данного коллектива социальными нормами и социальными ценностями. Отсюда следует, что билин-

гвизм коллектива (причем любого коллектива, а не только нации) обязательно предполагает индивидуальный билингвизм его членов» [Швейцер, 2008. С. 15]. В фокусе нашего исследования – распределение чувашского и русского языков в среде чувашской диаспоры московского региона. Особо отметим следующее: материал ограничивался устными интервью с респондентами, не ставилась задача, и не представлялось возможным прямое наблюдение за речью респондентов, такая методика позволяет только выявить активных и пассивных билингвов; для исследования других видов билингвизма требуются другие методы. Было проведено 100 интервью чувашско-русских билингвов московской диаспоры, полученные результаты представлены ниже.

1. Возрастная когорта 61–83. В самой старшей возрастной когорте распределение активного и пассивного билингвизма примерно одинаковое, с небольшим удельным перевесом в пользу активного (ср.: пассивные билингвы – 46 %, активные билингвы – 54 %).

Большинство опрошенных старше 60 лет, активно владеющих обоими языками, – выходцы из деревень, имеющие среднее специальное, реже высшее образование. Доминирующим языком в московском регионе для них, естественно, является русский: «В Москве же везде русский» (Петр М., 71); «Здесь везде русский, потому что работа» (Мария Л., 63). Впрочем, в жизни респондентов есть возможности для практики чувашского языка. Одни ими охотно пользуются: «Мне на родине часто говорят: мол, удивлены, как я хорошо разговариваю: “Ой, ты не забыла чувашский язык! Сколько помнишь!”. Я говорю: “Как я забуду? У меня здесь столько родни живет”. В общем, есть с кем здесь поговорить» (Мария Л., 63); «Встретимся если с чувашами здесь, перекинемся, конечно, по-своему» (Анна П., 78).

Другие пользуются такой возможностью неохотно: «С супругой я не говорил почти по-чувашски. Не говорили. Она пыталась, чего-то у нас не получалось. Ну как-то... кто-то придет в гости. Ну так... в основном на русском. Так, конечно, не... можно, наверное, говорить, но мне на русском почему-то легче говорить... Потому что я уже столько лет и на русском. Из родных если кто придет, все время на русском только» (Леонид П., 62).

По возвращении на малую родину, как правило, несколько раз в год, члены чувашской диаспоры переходят на чувашский язык: «Я приехал в отпуск – я всё по-чувашски» (Петр М., 71). Ряд респондентов в первые дни сталкивается с определенными трудностями: «Первое время очень тяжело говорить. Как-то задумываешься. Уже не так складно на чувашском получается. Но недельку поживешь, и пошло-поехало! Бывало, вернешься уже с родины, а чувашское слово – раз и вылетит!» (Раиса К., 83); «Тяжело переходить. Ну вот так два дня мыкаешь... И вот тебе говорят: “Ой, загордилась, только по-русски разговаривает!” Это, конечно, старший возраст *надсмеиваются*. Сейчас в данный момент сами уже в старшем возрасте, уже не насмеются поэтому» (Анна М., 65).

46 % пассивных билингвов среди старшей возрастной когорты, по нашему наблюдению, можно разделить на две категории. Первая категория представлена рядом респондентов, выходцев из чувашской деревни, с родным чувашским языком, тем не менее полностью перешедших на русский язык, как правило – в этнически смешанных браках с русскоязычными. «А на родину когда приезжал, все время на русском. Меня ругали со страшной силой! Я и говорю: “Ну чего я буду сейчас напрягаться? Сидеть... по-чувашски вспоминать!” Я, говорю, чуть-чуть там уже подзабыл. Буду, значит, неправильно говорить, вы будете смеяться, говорю. Я буду лучше на русском! И поэтому у меня уже все привыкли. Мама только ругалась, а отец – никогда, он всегда считал, что нужно продвигаться, по-русски нужно говорить» (Дмитрий С., 62).

Вторая категория, наиболее многочисленная, – это те, кто родился и вырос в Чебоксарах или крупных населенных пунктах, где преподавание в школах в свое время велось исключительно на русском языке: «Я родился в Вурнарах, там все было в школе на русском языке» (Анатолий Г., 73).

В основном все респонденты имеют высшее образование. Вся их жизнь и на малой родине, и в московском регионе тесно связана с русским языком, однако остаточные знания чувашского языка, полученные обычно в чувашской деревне в детстве, у них имеются: «Я кое-что понимаю, могу отличить чувашский язык на слух. Потому что в свое время, в детстве, у меня было такое желание. В свое время в школе не изучали же в то время чувашский язык. Только была одна шестая школа. Так мне было интересно! Я сама изучила грамматику,

то есть азбуку чувашского языка, нашла на чердаке в деревне. И читала на чердаке чувашские книги! Меня никто не учил, я сама!» (Валентина С., 62).

Сейчас, пребывая уже в преклонном возрасте, некоторые из наших опрошенных чувствуют «тягу» к чувашскому, для них в общем-то не функционально первому языку: «Случается, что чувашский с русским смешиваю. Это мне приятно. Я даже когда с русским говорю, я наоборот хочу вставить какое-нибудь словечко. Я сразу и перевожу. И они уже сами начинают, когда потом звонят: “Ага, Анатолий Иванович, на таком слове Вы меня научили”. Мне приятно потому, что и другие чувашский учат» (Анатолий Г., 73).

2. Возрастная когорта 51–60. В данной когорте соотношение активных и пассивных билингвов составляет 76 и 24% соответственно. Две трети опрошенных в когорте от 50 до 60 лет, по их собственному утверждению, активно пользуются двумя языками. Это выходцы из деревень, имеющие среднее специальное образование. Разделение по сферам использования языка у них «зависит от обстоятельств жизни» (Петр М., 54), «все зависит от того, где находишься» (Аркадий П., 51). В данной когорте сохраняется устойчивый еще с советских времен стереотип относительно использования чувашского языка на малой родине: «В деревню приехал – там чувашский» (Аркадий П., 51); «В деревне чаще всего чувашский. Но... если человек с города приехал, он хочет выдавать себя за городского, и начинает по-русски говорить. Со мной такого не случалось, все удивляются, какой у меня чувашский, как будто из деревни никогда не выезжал!» (Вячеслав У., 60); «В деревнях, конечно, ясно, это чувашский. Везде. А так... если в городе, например, я захожу в магазин. В Чебоксарах, допустим. Я по-чувашски никогда ни к кому не обращаюсь. Да это практически все так. Потому что принято по-русски! Если ты слышишь, вот там продавщицы по-чувашски между собой, я могу по-чувашски. А если я не знаю, она чувашский знает или нет, я, естественно, по-русски обращаюсь. Я даже в кассу, например, билет пойду покупать на автовокзале в Чебоксарах. По-русски. Просто... если они не знают?» (Раиса А., 59).

В московском регионе чувашский язык в данной возрастной группе используется более активно, чем в самой старшей когорте, в связи с тем, что люди 50–60 лет, как правило, ведут активный образ жизни, участвуют в жизни диаспоры, например, посещают концерты, где есть возможность практиковать язык с земляками. «Артисты наши приезжают, певцы, чувашский драматический театр имени Константина Васильевича Иванова. Актеры приезжают, на сцене на Таганке выступают. Артисты приезжают и на встречи землячества. Потом приезжает Театр юного зрителя, с ними тоже по-чувашски. У нас постоянные мероприятия. Вот на Восьмое марта проводили в кафе мероприятия, потом было еще мероприятие, посвященное Дню защитника Отечества. Собиралось там и молодое поколение, и среднее, и старшее, друг друга поздравляли, чувашского там было много» (Вячеслав И., 56); «На концерте я стараюсь только на чувашском. Вот – душа! Так мне вот хочется. Я люблю, стараюсь! Стараюсь только на чувашском разговаривать. Мне это – душевно!» (Герольд С., 51).

Более того, многие из респондентов этой группы и в профессиональной сфере могут соприкоснуться с чувашским языком: «Здесь я разговариваю на чувашском тоже часто, на работе даже, я поваром работаю, земляки на работе есть» (Нина П., 54); «Чувашский тоже есть, естественно. Приезжают строители, допустим, просят помочь устроиться, сразу им говорю, спрашиваю: “Как доехали? Как добрались? Как наша малая родина дышит? Как ваши родители?” Я тогда с ними по-чувашски разговариваю» (Вячеслав И., 56).

Общее распределение языков в чувашской диаспоре, характерное для активных билингвов 50–60 лет, сводится к следующей формуле: «В Москве дома – чувашский, а так, в общественных местах, русский» (Николай Д., 57). Причем респонденты общаются на чувашском скорее с родственниками одного с ними поколения или более старшего: «С сестрой по-чувашски выходит» (Елена Ф., 52); «На чувашском с родителями. И писала я им. Я вот последнее письмо три года назад папе написала. На чувашском. Я с ним и по телефону общалась на чувашском, и письма писала» (Надежда Л., 53).

При детях или при супруге, в том случае если он (она) русскоязычный, общение происходит на русском языке: «Если где русские есть, где муж сестры, например, то стараемся на русском» (Нина П., 54); «Ну стараешься здесь, конечно, по-русскому! Здесь же в школе дети учились!» (Зоя А., 59); «А вот сегодня вечером в баню пойдем, у нас будет все переходное: то по-русски, то по-чувашски. Вот если дочери с нами пойдут, то девочки не знают. Ес-

ли они с нами, то мы по-русски. А если мы с сестрами втроем, по-чувашски перекидываемся» (Вера А., 54); «С сестрой здесь на чувашском, а когда дети рядом – на русском, чтоб они понимали. Перехожу с языка на язык, когда другой человек чувашский плохо знает» (Владимир С., 59).

Привычка переходить на русский язык в таких обстоятельствах у респондентов давно сформирована, одни ее ничем не мотивировали: «Если в компании попадешься, там нельзя, например, по-чувашски разговаривать. Потому что если кто не понимает там... Я же не могу тогда!» (Герольд С., 51). Однако многие объясняли данную привычку своим прошлым «советским» опытом: «На работе бывает, как же! Значит, сидим и разговариваем на работе по-чувашски. Кто-то пошел, мы сразу русский начали. Ну вот у нас вся система так, что мы поставлены... что вот мы жили... русская, татарка. В общежитии-то. Другая была я, чувашка, и еще адыгейка. И мы все по-русски разговаривали. Конечно, мы на русском!» (Вера А., 54).

У ряда людей эта привычка укоренилась за годы службы в советской армии: «Я бы в сторонку отошел, чтобы по-чувашски поговорить. Ну чего? Обижать других что ли? Мы вдвоем лялякаем, а другой брат – ну не будешь же. Вот в сторону отойди. Вот в армии нас так учили: “Отойди, пожалуйста, и разговаривай!” С чувашами я служил, и нам так говорили: “С земляком разговариваешь, пожалуйста, отойди!” Это меня совсем не обижало, я привык» (Петр А., 59); «С супругом мы потом перешли на русский, потому что он уже в Германии служил, неудобно было среди сверстников» (Надежда Л., 53).

24% опрошенных 50–60 лет в нашей выборке – пассивные билингвы в связи с тем, что они являются уроженцами Чебоксар, Новочебоксарска, крупных населенных пунктов, поселков городского типа, в которых еще в советскую эпоху был фактически осуществлен переход к одноязычию. Чувашским языком наши респонденты владеют в весьма ограниченном объеме. «Инициация» в чувашский язык среди представителей этого поколения, как правило, происходила следующим образом: «Я по-чувашски, знаете, как научился разговаривать? Потому что у нас была бабушка девяностолетняя. Она, когда с нами сидела, она просто не знала по-русски. И нужно было с ней общаться. А родители с нами разговаривали только по-русски. Потому что они, я так думаю, ошибочно считали... если будет только русский язык, чтобы ребенок не путался, что он больше достигнет чего-то. А кроме этого еще... на самом деле вся политика государственная была такая, что чувашский язык – на втором месте. И вообще, менталитет был такой: городской – это русский, а если деревенский, как бы уже... не котиrowались люди деревенские. Хотя потом люди поняли, что люди деревенские свои плюсы в городе потеряли. Свой родной язык потеряли. Я с мамой незадолго до ее смерти разговаривал, она тогда говорила, что “мой самый любимый язык – это чувашский”. И я тоже эмоции испытываю, потому что это язык родителей и культуры» (Владимир Н., 58).

Как показало обследование чувашской диаспоры московского региона, в старших возрастных когортах в выборке большинство опрошенных, активно владеющих чувашским языком, – выходцы из деревень, имеющие среднее специальное, реже – высшее образование. Доминирующим языком в московском регионе для них является русский. Однако лица 50–60 лет, в отличие от респондентов старше 60 лет, заметно чаще пользуются чувашским в сфере семейного, дружеского и бытового общения – с людьми более старшего возраста или с ровесниками, почти никогда – с детьми. По возвращении на малую родину большинство респондентов употребляет чувашский язык, но, как правило, это происходит в чувашской деревне. В городской среде в Чувашской Республике респонденты, напротив, разговаривают по-русски в связи с тем, что у них сохраняются стойкие стереотипы относительно чувашского как языка деревенского, а следовательно, неуместности его использования в городе.

Пассивные билингвы в старших возрастных когортах являются уроженцами городов или крупных населенных пунктов Чувашской Республики, большинство имеет высшее образование. Функционально первым языком и на малой родине, и в московском регионе для них является русский язык, поскольку межпоколенная передача этнического языка в городских условиях была крайне слабой, а преподавание в городской школе в свое время велось исключительно на русском, однако респонденты сохраняют остаточные знания чувашского языка, приобретенные в детстве в чувашской деревне.

Список литературы

Алос-и-Фонт Э. Ситуация с чувашским языком у школьников старших классов крупных и средних населенных пунктов Чувашской Республики // *Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог.* М.: ФГНУ «Росинформ-агротех», 2013. С. 73–88.

Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. 2-е изд., доп. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. 224 с.

Баскаков А. Н., Насырова О. Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // *Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции.* М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 34–129.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 337 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1979. 263 с.

Володина Н. И. Чувашская Республика // «Многоязычие в России: региональные аспекты». М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. С. 17–24.

Егоров Н. И. Перестройка и ближайшие перспективы развития чувашского языка // *Чувашский язык в условиях двуязычия.* Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1991. С. 33–58.

Михайлов М. М. Двуязычие: проблемы, поиски... Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 159 с.

Насырова О. Д. Проблемы языковой жизни Чувашской Республики // *Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции.* М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 130–139.

Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. М.: Academia, 2000. Кн. 1. 656 с.

ССТ – Словарь социолингвистических терминов / Под ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.

Фергюсон Ч. Диглоссия // *Социолингвистика и социология языка: Хрестоматия / Под ред. Н. Б. Вахтина.* СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 43–62.

Фомин Э. В. Научный стиль чувашского языка конца XIX – начала XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 131 с.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. 2-е изд. М.: Либроком, 2008. 174 с.

Материал поступил в редколлегию 08.04.2017

M. V. Kutsaeva

Institute of Linguistics RAS

1 str. 1 B. Kislovsky, Moscow, 125009, Russian Federation

moscoop@yandex.ru

TYPES OF BILINGUALISM AND THEIR QUANTITATIVE DISTRIBUTION IN THE MOSCOW REGION DIASPORA GROUP (I)

The article gives a brief overview of studies on the formation of the current language situation in the Chuvash Republic. The Chuvash have transferred from monolingualism to bilingualism: first to Chuvash-Russian, then to Russian-Chuvash, or even to Russian monolingualism in the cities, the language situation with Chuvash-Russian bilingualism was in fact diglossal. The Language Law, passed in 1990, has contributed to strengthen the position of the Chuvash language, along with Russian it enjoys the status of the state language in the Chuvash Republic, it is more widely used in various spheres. However the vitality of the language causes anxiety due to the fact that more than a half of the Chuvash ethnos lives outside the Republic.

The results of the author's studies on the quantitative distribution of passive and active bilingualism by age cohorts in the Chuvash Diaspora in the Moscow region are presented below. Active bilingualism is typical of those born in the country, who have vocational education, except younger age cohorts, who almost all have higher education. Passive bilinguals are natives of cities, towns and district centres of the Republic, regardless of their education level. Russian is the dominant language for all the respondents in the Moscow region, but, unlike passive bilinguals, who keep only fragmentary knowledge of the Chuvash language, active bilinguals use their ethnic language in family, everyday, friendly communication, as a rule with seniors or people of the same age group, almost never with children. Regular meetings as a part of the events organized by the Chuvash diaspora, the communication with fellows in the ethnic language, the use of Chuvash by younger respondents in writing, the wider scope of modern technologies, the overcoming of stereotypes regarding Chuvash as a backward, unprestigious language, the awareness taken by especially younger and middle-age respondents of the value of bilingualism, all contribute to the language maintenance and functioning, though somewhat partially in the Chuvash diaspora in the Moscow region.

Keywords: bilingualism, diglossia, Chuvash-Russian bilingualism, the Chuvash language, diaspora, active bilingualism, passive bilingualism, language situation, language nihilism.

References

Alos-i-Font H. Situatsiya s chuvashskim yazykom u shkol'nikov starshih klassov krupnyh i srednih naseleennykh punktov Chuvashskoi Respubliki [The Situation with the Chuvash Language in High School Classes in Cities and Towns in the Chuvash Republic]. *Yazyki men'shinstv: yuridicheskii status i povsednevnye praktiki. Rossiisko-frantsuzskii dialog [Minority Languages: the Legal Status and Everyday Practices. Russian-French Dialogue]*. Moscow, FGUN Rosinform-agrotech, 2013, p. 73–88. (in Russ.)

Alpatov V. M. 150 yazykov i politika. 1917-2000. Sotsiolingvisticheskiye problemy SSSR i post-sovetskogo prostranstva [150 Languages and Politics. Sociolinguistic Problems in the USSR and post Soviet Areas]. 2nd edition. Moscow, Kraft+, Institut vostokovedeniya RAN, 2000, 224 p. (in Russ.)

Baskakov A. N., Nasyrova O. D. Yazykovye situatsii v tyurkoyazychnykh respublikah Rossiyskoi Federatsii (kratkii sotsiolingvisticheskiy ocherk) [Language Situations in Turkic Republics in the Russian Federation (a brief sociolinguistic outline)]. *Yazyki Rossiyskoi Federatsii i novogo zarubezh'ya: status i funktsii [The Languages of the Russian Federation and Former Soviet Republics: Status and Functions]*. Moscow, Editorial URSS, 2000, p. 34–129. (in Russ.)

Belikov V. I., Krysin L. P. Sotsiolingvistika: uchebnyk dlya bakalavriata i magistratury [Sociolinguistics: a Textbook for Bachelor and Master's Degree Students]. 2nd edition. Moscow, Izdatel'stvo Yurait, 2016, 337 p. (in Russ.)

Egorov N. I. Perestroika i blizhayshie perspektivy razvitiya chuvashskogo yazyka [Perestroika and Immediate Perspectives in the Development of the Chuvash Language]. *Chuvashskiy Yazyk v usloviyah dvuyazychiya [Chuvash Language in the Bilingualism Situation]*. Cheboksary, 1991, p. 33–58. (in Russ.)

Ferguson C. Diglossiya [Diglossia]. *Sotsiolingvistika i sotsiologia yazyka. Khrestomatia [Sociolinguistics and Sociology of the Language. Reader]*. Ed. Vahtin N. B. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012, p. 43–62. (in Russ.)

Fomin E. V. Nauchny stil' chuvashskogo yazyka kontsa XIX – nachala XX veka [Scientific Style of the Chuvash Language at the Turn of the 20th Century]. Cheboksary, Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta, 2007, 131 p. (in Russ.)

Mikhaylov M. M. Dvuyazychie: problemy, poiski... [Bilingualism: Problems, Search...]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 159 p. (in Russ.)

Nasyrova O. D. Problemy yazykovoi zhizni Chuvashskoi Respubliki [The Language Problems of the Chuvash Republic]. *Yazyki Rossiyskoi Federatsii i novogo zarubezh'ya: status i funktsii [The Languages of the Russian Federation and Former Soviet Republics New Foreign Countries: Status and Functions]*. Moscow, Editorial URSS, 2000, p. 130–139. (in Russ.)

Pis'mennye yazyki mira: Yazyki Rossiyskoi Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya [Written Languages of the World: Languages of the Russian Federation. Sociolinguistic Encyclopaedia]. Moscow, Academia, 2000, vol. 1, 656 p. (in Russ.)

Shveitser A. D. Sovremennaya sotsiolingvistika: teoriya, problemy, metody [Modern Sociolinguistics: Theory, Problems, Methods]. 2nd edition, Moscow, LIBROKOM, 2008, 174 p. (in Russ.)

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [The Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Ed. Mihal'chenko V. Yu. Moscow, 2006, 312 p. (in Russ.)

Volodina N. I. Chuvashskaya Respublika [The Chuvash Republic]: Mnogoyazychiye v Rossii: regional'nye aspekty [Multilingualism in Russia: Regional Aspects]. Moscow, Mezhhregional'nyi tsentr bibliotchnogo sotrudnichestva, 2008, p. 17–24. (in Russ.)

Wienreich U. Yazikovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya [Language Contacts: Situation and Research Problems]. Kiev, Vischa shkola, izdatel'stvo pri Kievskom universitete, 1979, 263 p. (in Russ.)